

Цзин Янь:

Еда не виновата.

Он кивнул.

Уголки губ Гу Ши слегка приподнялись:

— Хорошо.

.

— [Хозяин, что ты задумал?] — озадаченно спросила Система, не поняв действий Цзин Яня.

Цзин Янь: — [Что такое? Есть возражения?]

— [Почему ты дал Фэн Чичжоу такой совет?] — Система никак не могла взять в толк. — [Ты втягиваешь постороннего человека в этот план.]

— [Он не посторонний, он напрямую со всем связан.] — Цзин Янь опроверг слова Системы.

Цзин Шушань снова не вернулся к ужину, и за столом Цзин Янь ел в полном одиночестве.

У Гу Ши были дела во второй половине дня, поэтому вечернюю еду приготовила тетя Чэнь.

Тушеная говядина с помидорами, тушеная курица с грибами — казалось бы, самые простые продукты, но в блюдах, приготовленных тетей Чэнь, по сравнению с готовкой Гу Ши было больше по-настоящему домашнего вкуса.

Тетя Чэнь была кухаркой, которую наняли еще тогда, когда мать прежнего владельца тела выходила замуж. Прошло уже двадцать пять лет, и можно сказать, что она вырастила Цзин Яня на своих глазах.

Она также была одним из двух людей — наряду с управляющим Чжао, — кого не уволили.

Закончив трапезу, тетя Чэнь подошла убрать посуду. Она с тревожным взглядом посмотрела на Цзин Яня и тихо вздохнула:

— Молодой господин в таком состоянии, а господин Цзин все еще не возвращается.

Цзин Янь покачал головой.

Тетя Чэнь, пожалуй, была единственным человеком в этом доме, кто действительно переживал за прежнего владельца тела.

Тетя Чэнь:

— Я сварила для молодого господина грушу с леденцовым сахаром, скоро принесу, обязательно выпей ее горячей.

Похоже, вспомнив что-то из прошлого, она заговорила сдавленным голосом:

— Как же так... как же могло снова случиться такое...

— Вспомнить хотя бы, как я каждый день точно так же готовила для госпожи...

Она поняла, что сболтнула лишнего, и вовремя замолчала.

Всякий раз, когда молодой господин слышал имя матери, он приходил в ярость. Он был одержим мыслью, что все несчастья, выпавшие на его долю, были вызваны именно ею.

Лицо Цзин Яня оставалось спокойным, а взгляд его пронзительных глаз скользнул по тете Чэнь.

Тетю Чэнь вдруг обдал леденящий холод.

Молодой господин, кажется, в чем-то отличался от прежнего.

Цзин Янь выстучал на экране телефона несколько слов, а затем подвинул его ближе:

— Тетя Чэнь, какие симптомы были у моей матери в то время?

Рука тети Чэнь замерла. Из-за того, что она не удержала посуду, та со звоном упала на пол, оставив на нем грязные масляные пятна. Она жутко испугалась и, опустив голову, не смела смотреть на Цзин Яня:

— Простите, молодой господин.

Она извинялась за то, что случайно разбила посуду, или за то, что не может говорить об этом? Цзин Янь прищурился.

Цзин Янь опустился на колени и помог тете Чэнь собрать осколки. В тусклом свете телефона светилась всего одна фраза:

— В гостиной есть камеры, но есть много способов обойтись без звука.

— Например, написать это.

Глава 7. Онемевший молодой господин (7)

После ужина Цзин Янь с самым невозмутимым видом немного посмотрел телевизор в гостиной, где как раз транслировали интервью с Цзун Хэсюем.

Тот снова вернулся в центр семьи Цзун, и сейчас был на пике своей популярности. По сравнению с прошлым, теперь Цзун Хэсюй был одет в сшитый по фигуре костюм, держался прямо, а его мягкие манеры излучали такую внутреннюю силу, что люди почти забывали о том, что он передвигается в инвалидном кресле.

В Цзун Хэсюе уже начали проступать властные нотки человека, стоящего у руля.

Цзин Янь посмотрел передачу с десятков минут, затем выключил телевизор и ушел в свою комнату.

Ночь выдалась прохладной, в тонкой одежде было зябко, но это лишь помогало голове соображать острее и яснее.

У прежнего владельца тела было не так уж много ресурсов, которыми можно воспользоваться. Его круг общения контролировался Цзин Шушанем, а личная свобода была ограничена.

К тому же Цзин Янь чувствовал, что если тянуть за ниточку внезапной потери голоса наверх, то разгадка, возможно, кроется в матери, которая точно так же потеряла голос без всяких на то причин.

То, как тетя Чэнь вела себя пару минут назад, выглядело крайне подозрительно.

Неужели упоминание бывшей госпожи способно довести человека до такого страха?

Рассуждая об этом, Цзин Янь подошел к кровати, но при мысли о почти десятке скрытых камер на лице у него на мгновение стало гораздо темнее.

Цзин Янь: — [Как может быть столько извращенцев.]

Система уплетала какую-то закуску, неизвестно где раздобытую, и цокала языком:

— [Я и сама не знаю.]

— [Хозяин, твоя удача... ну серьезно... как бы тебе сказать, сходи в храм, свечку поставь, что ли?]

.....

Цзин Янь: — [А что, если я сам раньше был божеством?]

Система опешила: — [А ведь точно.]

.....

От этой Системы и впрямь никакого толка.

С тех пор как Закон стал законом, прошло уже немало времени, и способность вот-вот должна была снова активироваться, так что Цзин Яню приходилось действовать еще осторожнее и осмотрительнее.

Что же касается ситуации с Гу Ши, Цзин Янь все еще взвешивал всё за и против.

Тот казался ему несколько странным.

Чтобы проверить свои догадки, Цзин Янь намеренно запретил Гу Ши заходить в комнату, и не упустил мрачной тени, мелькнувшей в глазах мужчины.

Камеры установил Гу Ши — по крайней мере, часть из них.

Моделей камер было две, так что нельзя исключать, что в его комнату заходило устанавливать оборудование по меньшей мере двое. Кто же мог быть вторым? Цзин Янь перебрал всех вокруг, но так и не смог прийти к однозначному выводу.

Все зацепки зашли в тупик, и Цзин Яню приходилось действовать на опережение, чтобы завладеть инициативой и добиться своей цели.

Например, выступить в роли собственной приманки. В конце концов, Фэн Чичжоу был достоин лишь частичного доверия.

Он намеревался собственными силами докопаться до истинной правды.

Сегодня утром в комнате Цзин Янь выдвинул Фэн Чичжоу два условия:

Первое: сказать Цзин Шушаню, что в последнее время у его сына отмечается нестабильное эмоциональное состояние, сопровождающееся определенными слуховыми и зрительными галлюцинациями.

Второе: когда Цзин Янь погрузится в бессознательное состояние, пустить слух о том, что он потерял голос, а также о том, что его мать в свое время тоже теряла дар речи.

Напоследок выражение лица Фэн Чичжоу стало весьма забавным: Молодой господин Цзин и впрямь крайне интересен. Только обдумал ли ты плату за сотрудничество?

В телефоне Цзин Яня кратким ответом значилась всего одна фраза: Причина твоего прибытия.

Фэн Чичжоу на мгновение замер, уставившись на экран, словно вглядываясь в эти скупые строки.

В тот самый момент улыбка на его лице застыла.

Словно невидимую тонкую струну осторожно задела, и что-то глубоко спрятанное в его глазах медленно, неудержимо выплыло на поверхность.

Он неторопливо поднял взгляд, и то, как он посмотрел на Цзин Яня, изменилось: это был уже не взгляд врача на пациента, а скорее...

Словно хищный зверь, отслеживающий одинокую добычу, с непоколебимой уверенностью человека, видящего всё насквозь, и опасным хладнокровием.

Однако он превосходно умел скрывать свои чувства.

Эмоции проступили лишь крошечным уголком и тут же рассеялись без следа.

Цзин Янь хранил беспристрастный вид, его лицо оставалось прежним.

Фэн Чичжоу тихо произнес: Как скажешь.

Цзин Янь легко улыбнулся, поднимая глаза: Угу.

Короткий, едва слышный звук, кончик ноты взмыл вверх.

Хвост черного кота чуть качнулся.

А стоявший перед ним охотник неотрывно следил за ним взглядом.

.

Вскоре тетя Чэнь принесла груши, уваренные в сахарном сиропе. В глиняном горшочке размером с ладонь очищенные фрукты казались кристально-прозрачными.

Тетя Чэнь мягко проговорила: Молодой господин Цзин, горшочек очень горячий, дайте ему немного остыть.

Вернувшись в комнату, Цзин Янь принялся за угощение. Свежеприготовленные груши оказались невероятно нежными на вкус, в меру сладкими, и горло мгновенно почувствовало себя намного лучше.

Цзин Янь мысленно поинтересовался: Система, неужели ты и впрямь не можешь проверить состояние моего здоровья?

Угу, моих системных полномочий пока недостаточно, мне это не под силу, — Система покачала головой, но тут же добавила: Зато я уверена, что в следующем мире всё обязательно получится!

Не может проверить? Вот оно что.

Цзин Янь сделал еще глоток.

Горшочек постепенно остывал, и Цзин Янь незаметно нащупал дно, пока пальцы не коснулись бумаги.

Он украдкой спрятал записку в карман.

Держа горшочек в руках, Цзин Янь открыл дверь и тут же столкнулся нос к носу с Гу Ши, стоявшим на пороге.

Гу Ши опустил голову: Молодой господин Цзин, отдайте мне.

Цзин Янь улыбнулся и просто-напросто уронил горшочек на пол.

Громкий звук заставил и без того встревоженную тетю Чэнь испуганно вскрикнуть. Она торопливо поднялась наверх и застала лишь сияющего улыбкой Цзин Яня вместе с понурившимся Гу Ши.

Осколки глиняного сосуда разлетелись во все стороны, являя собой картину полного беспорядка.

Встревоженная тетя Чэнь запричитала: Молодой господин Цзин, что случилось! Это Гу Ши вывел вас из себя? Гу Ши, что ты вообще ему наговорил!

Гу Ши глухо отозвался: Я не справился со своими обязанностями...

Молодой господин Цзин, если он не умеет говорить и только разозлил вас, не стоит... — продолжала сыпать уговорами тетя Чэнь, а на ее крики и грохот разбитой посуды уже сбежались остальные слуги во главе с управляющим Чжао.

Молодой господин Цзин, я немедленно уволю его, — управляющий Чжао еще не успел толком перевести дыхание, но, едва устояв на ногах, сразу же поспешил высказаться.

Что бы ни произошло, прежде всего следовало успокоить капризного молодого господина!

Гу Ши лишь опустил голову, даже не пытаясь оправдаться.

Цзин Янь подумал: Уволить?

Если уволить, то где потом отыщется столь искусный кулинар?

Нет, — Цзин Янь чуть приподнял брови, выдохнув едва слышный шепот.

Окружающие замерли в растерянности: с чего бы молодому господину то приходить в ярость из-за Гу Ши, то мгновенно менять свое решение.

Ресницы Гу Ши дрогнули, и он поднял взгляд на Цзин Яня. Тот наградил его лишь многозначительным взглядом, после чего решительно вернулся в комнату и захлопнул дверь.

Оставив озадаченных людей переглядываться друг с другом.

Управляющий Чжао смахнул холодный пот и пробормотал себе под нос: Что это с молодым господином в последнее время? Стал еще более непредсказуемым, надо срочно доложить об этом господину Цзину.

Дыхание Гу Ши стало чуть более частым и горячим.

Он расшифровал последний взгляд Цзин Яня.

Черный котенок из приюта, когда его донимали до предела, всегда выпускал когти и царапался.

Но расцарапав обидчика, котенок вовсе не убегал.

Он останавливался на месте, высоко задрав и покачивая хвостом, и бросал на него настороженный и горделивый взгляд.

Ладно уж, так и быть, соизволю признать тебя, человек.

В этой отстраненно-притягательной манере сквозило явное недоверие, перемешанное с дарованием редкой возможности приблизиться.

.

Ночь выдалась прохладной, легкий ветерок шевелил занавески у окна.

В изголовье кровати горел ночник, и он извлек из сумки записку.

Сгибы бумаги были отчетливо видны, края слегка закрутились — судя по всему, написавший её долго сомневался, прежде чем окончательно решиться.

На белом листе четко выделялись черные иероглифы, однако сами линии казались слегка кривыми, нажим то слабел, то усиливался — казалось, когда создавалось это послание, рука автора сильно дрожала.

<http://bllate.org/book/25882/3093321>